УДК: 353.2 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–2–61–80

О «РЖАВОМ ПОЯСЕ» ЦФО: ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В 2001–2017 ГГ.

Нечаев Д.Н., Селиванова Е.С.[1]

Цель статьи – проанализировать специфику региональной государственной промышленной политики в областях Центрального федерального округа (ЦФО) через призму процессов «новой индустриализации», реиндустриализации и деиндустриализации. В результате проведенного анализа авторы исследования предложили гипотезу об институционализации в областях ЦФО «ржавого пояса» в восьми субъектах Центральной России, промышленное развитие которых с 2001 по 2017 год свелось фактически к деиндустриализации территории.

Предложенная характеристика стала синтезом двух устоявшихся понятий: «ржавый пояс» и «красный пояс». Первое является устоявшимся в научном дискурсе понятием, характеризующим совокупность городов США с исчезнувшими предприятиями автомобильной промышленности. Второе – устоявшийся в научном и экспертном сообществах термин «красный пояс», обозначавший победу в период 90–х годов в ряде областей Центральной России кандидатов от КПРФ (левых сил) на губернаторских выборах. В поддержку предложенного понятия применительно к промышленному развитию ряда областей ЦФО авторы привели экономические причины деиндустриализации территорий и институционализации «ржавого пояса» областей ЦФО.

Ключевые слова: отраслевая политика, региональная государственная промышленная политика, индустриализация, деиндустриализация, «ржавый пояс».

Нечаев Дмитрий Николаевич – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социологии, политологии и гуманитарных дисциплин, Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, адрес: 394030, Россия, г. Воронеж, ул. Карла Маркса, д.67а, e–mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Селиванова Елена Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный технический университет, адрес: Россия, 394006 г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 84, e–mail: arsep@list.ru

OF THE «RUSTY BELT» OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT: PECULIARITIES OF INDUSTRIAL DEINDUSTRIALIZATION OF THE TERRITORIES OF CENTRAL RUSSIA IN 2001–2017

NECHAEV D.N. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Humanitarian Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh branch (Russian Federation, Voronezh), e–mail: nechaevpolitia@rambler.ru

SELIVANOVA E. S.– Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State Technical University (Russian Federation, Voronezh), e–mail: arsep@list.ru

The purpose of the article is to analyze the specifics of the regional state industrial policy in the regions of the Central Federal District through the prism of the processes of «new industrialization», re–industrialization and de–civilization. As a result of the analysis, the authors of the study proposed a hypothesis about the institutionalization of the «rusty belt» in the regions of the Central Federal District (CFD) in eight subjects of Central Russia, the industrial development of which, from 2001 to 2017, actually reduced to deindustrialization of the territory.

The proposed characteristic became a synthesis of two established concepts: «rusty belt» and «red belt». The first is an established in the scientific discourse concept that characterizes the totality of US cities with the disappeared enterprises of the automotive industry. Secondly, the term «red belt», established in the scientific and expert communities, denotes the victory of candidates from the CPRF (leftist forces) in a number of regions of Central Russia in the governorate in the 1990s. In support of the proposed concept with reference to the industrial development of a number of regions of the Central Federal District (CFD), the authors cited the economic reasons for the deindustrialization of territories and the institutionalization of the «rusty belt» of the regions of the Central Federal District.

Keywords: branch policy, regional state industrial policy, industrialization, deindustrialization, «rusty belt».

Несмотря на то, что в России в 2000 – начале 2018 года происходило усиление и укрепление вертикали власти, предусматривающее централизацию управления, роль и значение регионов в стране не только не снижались, но и

существенно возрастали. Фактор промышленного развития субъектов РФ, функционирование региональных институтов влияют не только на общую ситуацию в стране, но и на выработку оптимальной промышленной политики и социально–экономическую стабильность РФ. В силу этого возрастает потребность в понимании ситуации и «в разработке основ для анализа и прогнозирования процессов территориально–государственного развития»[1].

Промышленная политика – это отраслевая политика, где отрасль рассматривается как вид экономической деятельности (общепринятое мнение). Есть также точка зрения, согласно которой под отраслью понимают совокупность предприятий, производящих однородную продукцию (для такой отрасли применяют название «чистая»). Целесообразно подвергнуть анализу и категорию конкурентной отрасли, представляющую собой «совокупность всех производителей какого–либо продукта (или совокупность продавцов), полностью заменяющих друг друга»[2]. Данный подход сближает отрасль с рынком, в рамках чего некая «солидарность» предприятий одной отрасли диктует необходимость прибегать к термину «соперничество» вместо термина «конкуренция».

Сама дефиниция «промышленная политика» в отечественных научных исследованиях является относительно новым термином, интегрированным из экономической науки Запада как не совсем точный перевод категории «Industrial Policy». Данный ракурс предполагает политику государства как политического института в отрасли промышленности. В данной случае такая политика становится «отраслевой» или «секторальной», то есть поддерживающей государством отдельных секторов экономики.

Ф.А. Костин и А.В. Соколов полагают, что это не совсем точное понимание промышленной политики. В свою очередь они считают, что «Industrial Policy» – это политика «государства по содействию выхода экономики, в том числе промышленности, из структурного кризиса»[3]. Они также выделяют три концептуальных подхода к определению объекта промышленной политики: проектный (инвестиционный проект), отраслевой (отрасли или подотрасли), кластерный (кластеры – группы смежных предприятий)[4].

Разумеется, промышленная политика национальных государств, к примеру,

---

[1] Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений.– 2–е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 7.

[2] Ежова В.А. теория отраслевых рынков / В.А. Ежова. – СПбГТУРП, –СПб., 2015. – С. 5.

[3] Костин Ф.А. Соколов А.В. Промышленная политика как форма государственного регулирования // Экономическое управление. – 2011. – №3(76). – С. 136.

[4] Там же. – С. 136.

современной России, испытывает на себе влияние процессов глобального управления, того, что У. Бек называет глобальным клиентом, «который захватывает все большую власть»[1], он располагает глобальной властью «нет», не–покупания и который использует свои ресурсы «в подготовке мировой общественности для восприятия информации»[2]. Данный ракурс влияния глобального управления стоит наблюдать в системе экономических санкций стран Запада против РФ.

Рассматривая государственную промышленную политику постсоветской России (1992 – март 2018 гг.), стоит выделить ее маятниковый характер (от ухода государства из промышленной отрасли к ее возвращению), противоречивость и несбалансированность управления данной отраслью. Ее результатами стали деиндустриализация страны и ее территорий (1992–98 гг.), контрастность результатов такой политики в разных регионах страны, постановка в повестку дня реиндустриализации и «новой» индустриализации.

Следует также отметить, что в начале 1990–х годов позиции промышленной политики в постсоветской России были крепкими. Дальнейшее же развитие было сопряжено со значительными изменениями, анализ которых дает возможность выделить четыре этапа реализации государственной промышленной политики в соответствии с ее нормативно–правовым регулированием, набором практик и технологий поддержки промышленных предприятий и общей результативности комплекса мер поддержки промышленного сектора, оказывающих влияние как на динамику индекса промышленного производства, так и на социально–экономическое развитие территорий в целом.

Временные границы первого этапа (1992–1998 гг.) определяют развертывание действия реформ приватизации и дробление крупных промышленных производств с последующим сокращением численности персонала, занятого в промышленных отраслях. Данный период можно охарактеризовать как острую фазу деиндустриализации, экономические и социальные последствия которой были катастрофичными для страны.

Перелом ситуации был намечен в конце 1998 года с приходом правительства Е.М. Примакова. Принятие Постановления Правительства РФ от 20.12.1998 №1529 (ред. от 24.08.2004) «Об утверждении плана действий по реализации

[1] Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно–политическая экономия / Пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельникова; послесловие В.Г. Федотовой. – М.: Прогресс–Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – С. 317.
[2] Там же. – С. 318.

документа «О мерах Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации по стабилизации социально–экономического положения в стране» фактически стало отправной точкой выхода из глубочайшего кризиса, в котором оказались национальная экономика и промышленность. Антикризисный план включал в себя комплекс из 94 первоочередных мер, включающих в том числе реструктуризацию долга и банковской системы, борьбу с повышением цен и безработицей, укрепление денежной системы и стабилизацию курса национальной валюты, повышение эффективности налоговой и бюджетной систем.

Положительная тенденция, наметившаяся в 1998 г. в экономической и промышленной сферах, продолжилась с приходом к власти Президента В.В. Путина вплоть до 2008 года. Таким образом, временные рамки второго этапа, по нашей оценке, приходятся на 1998–2008 годы. Это время реанимирования и оживления промкомплекса и начала процесса реиндустриализации. Вместе с тем в этот период наравне с оживлением промышленной отрасли имели место системные проблемы, отягощавшие промышленное развитие страны. К ним следует отнести противоречивость инвестиционной политики, становившейся «мишенью императива официальной экономической политики, проводимой с гайдаровских времен, а именно – монетаристской политики стерилизации финансовых средств страны»[1]. Кроме того, именно в этот период корпоративный внешний долг в три раза превышает государственный, разрывы социально–экономического развития регионов достигают сотен раз, что закладывает «мины» замедленного действия под устойчивость государства; фонды (институты развития в нынешнем понимании) в ходе реформ были ликвидированы[2].

Третий этап начался с наступлением глобального финансового кризиса в 2008 году и продлился, по нашим оценкам, до 2014 года. Для этого периода характерны риторика о модернизации российской промышленности, робкие попытки ее проведения, появление успешных практик реиндустриализации в отдельных регионах России, а также формирование институтов и механизмов господдержки промышленных предприятий. Данный период можно охарактеризовать проведением реиндустриализации 2.0.

Четвертый период, на наш взгляд, берет начало в конце 2014 г. – начале

---

[1] Якунин В.И. Актуальная теория и методология формирования российской экономической политики // Труды Цетнра проблемного анализа и государственно–управленческого проектирования. Выпуск №11. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 12.

[2] Там же.

2015 г. с принятием Закона о промышленной политике в России (Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 №488–ФЗ). Данный этап можно охарактеризовать как «Новая индустриализация: актуализация промышленной госполитики».

Анализируя государственную промышленную политику на региональном уровне, следует иметь в виду несбалансированность и неравномерность социально–экономического развития субъектов РФ, в том числе промышленного. Это было и остается одной из ключевых проблем для политического руководства страны. Достаточно привести такой факт, что на начало второго десятилетия нового века из 83 российских регионов только 11 регионов являлись донорами федерального бюджета, а остальные 72 региона получали дотации[1]. Более того, ряд российских ученых и представителей экспертного сообщества, в частности А. Шулус, полагают, что на территории России можно говорить только о 4–5 успешно развивающихся регионах, остальные находятся ниже среднероссийского уровня, что дает основания лишь с большой долей условности говорить о едином социальном пространстве страны[2].

Существует еще один важный элемент в формировании повестки дня в сфере промышленного развития регионов. К примеру, в 17 областях Центрального федерального округа (ЦФО) в период 2005 – 2008 годов, времени региональных модернизационных сдвигов, социально–экономические различия даже среди соседей–областей становятся не только видимыми, но и в ряде случаев контрастными как с точки зрения позитивных, так и с точки зрения негативных тенденций. В силу данных обстоятельств федеральный центр, учитывая опыт 2000–2016 гг., определяет приоритеты для субъектов РФ в плане их промышленной политики. Они включают в себя комплекс стратегических документов, региональные законы о промышленной политике, снижение административных барьеров, повышение инвестиционной привлекательности, формирование региональных механизмов стимулирования, создание промышленной инфраструктуры[3].

Успешное промышленное развитие субъектов РФ усиливает экономическое развитие страны в целом, а неудачи и ошибки в данной политике ослабляют

[1] Сеанс связи поколений. Президент ответил на национальный вопрос // Российская газета. – 2010. – 24 октября. – С. 6.

[2] Доходный разрыв. По–прежнему сохраняются серьезные различия между социально–экономическим развитием регионов // Российская газета. – 2008. – 10 октября. – С. 17.

[3] Мантуров Д. Активность на местах // Российская газета. Экономика центрального округа. – 2017. – 23 мая. – С. 17.

экономическую безопасность государства. В этой связи важно рассматривать взаимосвязь «хорошего» управления в российских регионах с ростом производственного потенциала. Рост последнего представляет собой результат отнюдь не только технологического развития в узком смысле (появление новых видов станков, машин, химических веществ). Многие новации, обеспечивающие промышленный рост и потенциал, связаны с «улучшением организационных навыков или … методов управления»[1].

Рассматривая категорию управления применительно к региону, авторы статьи имеют в виду и научную категорию в отношении субъекта Федерации (точка зрения в отечественной экономической науке), и понятие территории, исторически и географически объединяющей сразу несколько субъектов РФ: «Поволжье», «Северный Кавказ», «Центральная Россия» и др. В этом случае нельзя не согласиться с мнением В.А. Колосова и Н.С. Мироненко, которые полагают, что политический регион – это «крупная часть страны, длительный период выступающая единым фактором в политической жизни, включающая общую крупную узловую проблему и общее исторической прошлое»[2]. В нашем случае под термином «регион» авторы рассматривает субъекты РФ, в частности области Центрального федерального округа (ЦФО).

Кроме того, требуется и уточнение, интерпретация основных понятий: регион, региональная политика, инвестиции, инновационные производства, качество жизни, народосбережение и др. В частности, *регион* – это социально–экономическая система, входящая в состав России как субъект Федерации и имеющая свои характерные особенности, границы и функции в общественном разделении труда, природно–экономический и инновационно развитый человеческий потенциал[3]. А *региональная политика* – это система намерений и действий, которая реализует интересы государства в отношении регионов и внутренние интересы самих регионов методами и способами, учитывающими природу современных региональных процессов и которая осуществляет все это преимущественно в структуре меж– и внутрирегиональных связей[4].

Лидерские позиции в динамике роста промышленности среди регионов ЦФО

---

[1] Чанг Ха–Дж. Как устроена экономика / Ха–Джун Чанг ; пер. с англ. Е. Ивченко ; [науч. ред. Э. Кондукова]. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 304 с. – С. 163.

[2] Колосов В.А. Геополитика и политическая география /В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. – М.: Аспект – Пресс, 2002. – 479 с. –С. 295.

[3] Гасанов М.Н. Социально–экономические особенности различных типов регионов: инновационный аспект / М.Н. Гасанов // ИнВестРегион. – 2010. –№4. – С. 9–15. – С.14.

[4] Региональная политика России: концепции, проблемы, решения / [В.Лексин и др.] Ст. 1 Рос. эконом. журнал. – 1993. – №9. – С. 50.

будут «принадлежать в большей степени высокотехнологичным видам деятельности, а также «старым» традиционным производствам, сумевшим оживить спрос на производимую ими продукцию, привлечь инвестиции для модернизации»[1]. Таким образом, перед органами власти и управления стоят задачи «стратегического управления, с характерной для него ориентацией на выбор перспективных целей и проектирование траекторий движения к ним»[2].

В период 2000 – март 2018 г. региональная государственная промышленная политика в 17 областях ЦФО реализовывалась с разной эффективностью, что свидетельствовало о разной степени подготовки команд администраций (правительств) субъектов РФ, курирующих данную отраслевую политику.

Государственная промышленная политика практически во всех областях Центральной России оформлена в законодательные акты в соответствии с Федеральным законом «О промышленной политике в Российской Федерации». Данные законодательные акты рассматривались и рассматриваются как документы по инициации структурных сдвигов в региональных отраслевых политиках. Для регионального уровня отраслевая политика, в частности региональная государственная промышленная политика, является подсистемой региональной социально–экономической и федеральной отраслевой политики.

При реализации государственной промышленной политики в 17 областях ЦФО в период с 2000 по март 2018 года важно обратить внимание на следующие ракурсы.

Первое. Осмысленная промышленная политика в российских регионах стала оформляться в период 2005–2008 годов в рамках становления моделей управления государственными экономическими процессами (не случайно в 2005–2006 гг. была создана Особая экономическая зона федерального уровня в Липецкой области, ставшая драйвером промышленного развития региона). Авторы в данном разрезе выделяют ряд моделей, характерных для областей Центрально–Черноземного региона: мобилизационная модель с высокой долей инноваций (Белгородская область); инерционная модель (Воронежская область); согласительная модель (Курская область); инновационная модель с элементами мобилизационной модели (Липецкая область); согласительная модель (Орловская область); комбинированная модель с мобилизационным

[1] Нечаев Д.Н. Региональный экономический рост и пространственное развитие территорий как условия обеспечения экономической безопасности субъектов РФ (на примере областей ЦФО): монография / Д.Н. Нечаев ; [под общ. ред. А.М. Сысоева] ; Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова. – Воронеж : Научная книга, 2016. – 104 с. – С. 23.

[2] Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: Концепции и практика. – М.: КРАСАНД, 2010. – 320 с. – С. 136.

трендом и инерционными тенденциями (Тамбовская область)[1]. При этом данный подход может быть логично спроецирован и на остальные области Центральной России.

Второе. Становление промышленной политики в областях ЦФО было следствием общих установок федерального центра (Правительства РФ, профильного Министерства промышленности и торговли) и конкретных практик региональной элиты («в региональной элите предполагается выделять две ведущие группы: властную, или административно–политическую элиту, и экономическую, или бизнес–элиты»[2]). Эффективное взаимовлияние двух компонентов определено, определяет и будет определять результативность такой политики.

К примеру, лоббистский ресурс и все срезы региональной элиты О.П. Королева, главы Администрации Липецкой области, А.П. Артамонова, Губернатора Калужской области, Е.С. Савченко, Губернатора Белгородской области, во многом определены результативностью промышленной политики в их территориях (полный список глав администраций областей ЦФО в 2000 –марте 2018 г.). Таким образом, арены взаимодействия (процедурные аспекты правил) и институциональные практики (сами правила) приводили к нужному эффекту. В последнем строгие институциональные практики включали в себя компонент «коллективных взаимодействий»[3].

Третье. Региональная государственная промышленная политика несет в себе серьезную политическую составляющую (политическую волю региональной элиты, проблематику коррупционной составляющей и административных барьеров для ведения бизнеса, открытость и публичность власти). В данном случае эффективность промышленной политики равнозначна тому, о чем Д. Стиглиц отмечал в рамках формулы «медленный экономический рост и неравенство – выбор политиков. Мы можем сделать другой выбор»[4].

---

[1] Нечаев Д. Н. Экономические и социальные модели управления территориями, типы региональных политических режимов: сравнительный анализ (на примере областей ЦЧР)// Региональные политические институты в социально–экономическом развитии территорий: российская и зарубежная специфика : сб. науч. трудов /– Воронеж: Изд–во Воронеж. гос. ун–та, 2009.– С. 58.

[2] Чирикова А.Е. Региональные элиты России / А.Е. Чирикова. – М. : Аспект –Пресс, 2010. – С. 52.

[3] Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 149.

[4] Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? [пер. с англ. Ф.А. Исрафилова]. – Москва : Эксмо, 2016. – С. 140.

Необходимо отметить, что «деиндустриализация» (сворачивание многих видов производства) не является феноменом, характерным лишь для Российской Федерации. Это было характерно в определенной мере и для стран США, стран Западной Европы, в меньшей мере – для Японии. Процессом, обратным процессу деиндустриализации, является процесс реиндустриализации, фактически новая промышленная политика, «вектором которой является повышение производительности труда и снижение затрат на основе непрерывной технологической модернизации»[1]. Данный управленческий подход предполагает контроль со стороны государства над стратегическими, энергетическими, природными и финансовыми ресурсами.

Не менее активно в научном дискурсе РФ обсуждается и процесс новой индустриализации, который, по мнению Е.М. Бухвальда, связан с «необходимостью защитить интересы военно–промышленного комплекса страны, причем не только с точки зрения обеспеченности национальной обороны и модернизации ее технической базы, но и с позиции поддержания и расширения экспортных возможностей российского военно–промышленного комплекса»[2]. Данный исследователь видит в этом осмысленную промышленную политику в экономической стратегии государства, обеспечивающего промышленное развитие.

При этом Е.М. Бухвальд видит три ключевых института промышленного развития: государственные программы, государственные закупки, специализированные разнопрофильные институты промышленно–инновационного развития[3].

Есть точка зрения в научном и экспертном сообществе о том, что государственная промышленная политика в РФ оформилась лишь с принятием Закона о промышленной политике[4]. С этим не согласен и Д.В. Мантуров (министр промышленности и торговли РФ), полагая, что «государство предпринимало различные меры по регулированию деятельности в сфере промышленности сразу же после распада СССР и провозглашения курса на рыночную экономику, что во многом было обусловлено тем положением, в котором оказались промышленные предприятия и российская экономика в целом к началу 1990–х гг.»[5].

---

[1] Блинов А. О. Новый взгляд на промышленную политику в России // Экономика. Бизнес. Банки. – 2015. – № 2 (11). – С. 38–49. – С. 40.

[2] Бухвальд Е.М. Трудные пути становления промышленной политики в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – №1–2. – 2015. – С. 14.

[3] Там же. – С. 16.

[4] Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488–ФЗ.

[5] Мантуров Д.В. Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет.

Наиболее характерными примерами разрушительных тенденций промышленной отрасли 17 областей ЦФО являются Воронежская и Ивановская области. В период с 2000 по 2017 г. предпринимаемые меры органами власти и управления субъектов РФ не смогли остановить процесс деиндустриализации, начавшийся с 1992 года, с началом либеральных экономических реформ.

К примеру, с 2001 по 2008 год в Воронежской области, по оценкам ряда экспертов, «практически не создано новых производств в сфере реальной экономики (за исключением проекта «Бунге СНГ»)[1]. Однако именно в этот период, по мнению ученого–экономиста В.Н. Бренделева, были осуществлены рейдерские захваты ряда промышленных предприятий региона, составляющих основу его индустриально–промышленного статуса (Алюминиевый завод, НПО «Электроника», завод им. В.И. Ленина и др.[2]). Негативный тренд деиндустриализации региона при Губернаторе В.Г. Кулакове (2001 – февраль 2009 г.) не был остановлен и при Губернаторе А.В. Гордееве (март 2009–2017 г.). Банкротство и негативные последствия произошли и с флагманом региона – предприятием «Связьстрой – 1» (2013–2015 г.).

Разумеется, ключевым показателем промышленного развития является индекс промышленного производства. К примеру, по итогам 2002 года в Воронежской области он составлял 98,7% к уровню 2001 года, в 2009 – 99,4%, в 2011 – 107,9%[3], за пять лет (2009–2013 гг.) рост промышленности составил 1,5 раза (в среднем по России – 105,7%)[4], в 2017 – 106,9%[5]. Представители

Часть 1: Промышленность 1990–х гг. / Д.В. Мантуров // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – №3. –С. 32.

[1] Нечаев Д. Н. Экономические и социальные модели управления территориями, типы региональных политических режимов: сравнительный анализ (на примере областей ЦЧР) // Региональные политические институты в социально–экономическом развитии территорий: российская и зарубежная специфика : сб. науч. трудов / под ред. Д.Н. Нечаева. – Воронеж: Изд–во Воронеж. гос. ун–та, 2009.– С.65.

[2] Владимир Бренделев, экономист, эксперт: Как в Воронеже был разорен и обанкрочен крупнейший в Европе алюминиевый завод? // Экономика и жизнь – Черноземье. – 2012. – №1(71). – 21–27 января. – С. 12; Бренделев В. Как исчезал с лица земли воронежский концерн «Энергия»? // Экономика и жизнь – Черноземье. – 2012. – №3(73). – 11–24 февраля. – С. 4.

[3] 17 областей ЦФО в зеркале оценок АНО «Агентство региональных социально–экономических проектов». – Воронеж: АРСЭП, 2012. – С. 5.

[4] Развитие Воронежской области в цифрах и фактах. Основные итоги деятельности Губернатора и Правительства Воронежской области за 2009–2013 годы. – Воронеж: Правительство Воронежской области, 2014.– С.3.

[5] Вектор развития не станут менять. Глава региона Александр Гусев принял участие в расширенном заседании Союза промышленников и предпринимателей Воронежской области // Коммуна. – 2018. – 02 марта. – С. 4.

экспертного сообщества отмечают наличие противоречия между ростом индекса промышленного производства в 2010–2017 годах и предлагают свое объяснение данному противоречию, полагая, что в «депрессивном для промышленности регионе департамент промышленности Правительства области с курирующим зампредом Артемом Верховцевым просто сконструировали этот небывалый рост при реальном его падении. Раньше это называлось приписками, теперь – умелым администрированием при попустительстве Воронежстата»[1]. Положение в промышленной отрасли усугубляется и тем, что в портфель приоритетных проектов работы Правительства области будет включен только пункт о «создании государственного фонда развития промышленности области …, а Воронежская область выбрана в качестве одного из проектов Минпромторга РФ по повышению конкурентоспособности продукции, созданию условия развития существующих промышленных предприятий региона»[2].

Наиболее проблемной была и остается промышленная отрасль в Ивановской области, бывшем центре текстильной промышленности РСФСР (СССР). На начало 2018 года основу промышленности региона составляют четыре отрасли: текстильная промышленность, электроэнергетика, машиностроение и металлообработка, пищевая промышленность. Другие сегменты представлены в значительно меньшем объеме. Среди них: добыча полезных ископаемых, химическая промышленность, ювелирное дело, деревообработка и др. Однако основной отраслью промышленности Ивановской области остаётся текстильная. В регионе сосредоточено 2/3 российских производственных мощностей по выпуску хлопчатобумажных тканей. В текстильной промышленности области занято более 35 тысяч человек, на её долю приходится около 28,6% отгруженной продукции предприятий.

Промышленная политика, проводимая Правительством Ивановской области с 2009 по 2017 г., была направлена на сохранение и развитие потенциала текстильной отрасли региона, основой которого является текстильно–промышленный кластер.

Однако о формировании текстильного кластера в Ивановской области

---

[1] Это вам не депрессивные воронежцы и орловцы: липецкий инвестмеморандум–2018 инициирует мощное развитие промышленной отрасли региона // Экономика Черноземья и жизнь регионов. – 2018. – 11 марта. – URL: http://www.eizh.ru/articles/proizvodstvo/eto–vam–ne–depressivnye–voronezhtsy–i–orlovtsy–lipetskiy–investmemorandum–2018–initsiiruet–moshchnoe/ (дата обращения: 14.03.2018).

[2] Вектор развития не станут менять. Глава региона Александр Гусев принял участие в расширенном заседании Союза промышленников и предпринимателей Воронежской области // Коммуна. – 2018. – 02 марта. – С. 4.

говорить пока преждевременно. При этом в проблемном регионе ЦФО все же имеются небольшие позитивные сдвиги. Так, например, производство высококачественного котонина для изготовления экологически чистых тканей начато на «Мануфактуре Балина» в Юже. Данное производство в Ивановской области стало 40–м по счету в России, которое было запущено с привлечением льготного займа Фонда развития промышленности (ФРП). «Мануфактура Балина» получила льготный займ в размере 200 млн. рублей под 5% годовых по флагманской программе «Проекты развития». При этом в Ивановской области уже пять заемщиков ФРП работают и занимаются развитием легкой промышленности[1].

В результате проведенного анализа авторы исследования предлагают гипотезу об институционализации в 17 областях Центрального федерального округа (ЦФО) «ржавого пояса»[2] как некоего феномена в эпоху «странной» деиндустриализации территорий Центральной России с 2001 по 2017 год. «Странной» ввиду того, что: а) в сравнении с 90–ми это было более благоприятное время экономического роста со стабильными поступлениями в бюджеты разных уровней, в том числе от «нефтедолларов»; б) в силу объективных и субъективных причин не для всех регионов ЦФО была характерна деиндустриализация. Для ряда субъектов РФ в Центральной России осуществлялась «новая» индустриализация (Белгородская, Липецкая, Калужская области), для некоторых – реиндустриализация (Тульская, Тамбовская, Курская, Московская области).

Сам термин «ржавый пояс», вводимый в отечественный научный и экспертный дискурс, является синтезом двух понятий. Во–первых, понятие «ржавого пояса» в США (исчезновение предприятий автомобильной промышленности из ряда городов, к примеру, из Детройта, и штатов данной страны и перевод собственниками производств в Китай и другие развивающиеся страны с дешевой рабочей силой и высокой прибылью). Во–вторых, это

---

[1] Не воскреснет? Махнув на текстильную промышленность, ивановский глава Воскресенский завлекает федминистров на убитый «Автокран» // Экономика Черноземья и жизнь регионов.– 2018. – 11 марта. – URL: http://www.eizh.ru/articles/proizvodstvo/ne–voskresnet–makhnuv–na–tekstilnuyu–promyshlennost–ivanovskiy–glava–voskresenskiy–zavlekaet–fedmini/ (Дата обращения: 14.02.2018).

[2] Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее [Текст] /пер. с англ. И. Кушнаревой.—М.: Изд–во Института Гайдара, 2014.— (Московский урбанистический форум. Библиотека урбаниста).— 432 с.

устоявшийся в научном и экспертном сообществах термин «красный пояс»[1], обозначавший победу в период 90–х годов в ряде областей Центральной России кандидатов от КПРФ (левых сил) на губернаторских выборах. Именно «левые» пытались проводить более ответственную (где на деле, где на уровне политических деклараций) региональную государственную политику в реальном секторе экономики, в том числе промкомплексе, и в социальной сфере.

Таким образом, на начало 2018 года «ржавый пояс» в ЦФО представляет собой причудливую цепь субъектов РФ, начинающуюся от Воронежской области (наиболее пострадавшей от деиндустриализации), далее идущую к Орловской, Брянской, Смоленской и Тверской областям и заканчивающуюся Владимирской, Ивановской и Костромской областями. В итоге – восемь территорий из семнадцати (город Москва не входил в анализ). На наш взгляд, Ярославская и Рязанская области в лице их органов власти и управления смогли поменять тренды промышленного развития, демонстрируя в 2017 году позитивные результаты промышленной политики.

Выделим экономические причины деиндустриализации территорий и институционализации «ржавого пояса». Первая причина состоит в том, что экономический эгоизм собственников предприятий ориентирует их на быстрое получение прибыли в результате продажи активов и земли, находящейся под промышленными производствами. Эта направленность ведет к высокому проценту потерь «старых» (советских) промышленных предприятий в отраслях станкостроения, машиностроения, авиастроения, химической, текстильной промышленности. Как итог – невозможность их реанимирования в силу появления на базе инфраструктурных объектов данных промпредприятий торгово–развлекательных центров (ТРЦ), индустрии развлечений и досуга, различных социальных учреждений и других объектов, не связанных с производством промышленной продукции. Наиболее знаковый пример в данном разрезе – рейдерский захват и ликвидация НПК(О) «Энергия» в Воронеже и появление на его месте ТРЦ «Поиск».

Вторая причина – существование неблагоприятных общефедеральных, региональных и локальных (местных) условий, не способствующих выпуску промышленной продукции. Как результат – снижение до минимально предельных величин производства промпродукции на оставшихся предприятиях, которые скорее имитируют их промышленную направленность. Фактически эти предприятия получают основной доход от сдачи помещений в

[1] Титков А.С. Образы регионов в российском массовом сознании // Полис. Политические исследования. – 1993. –№3. –С. 61–75.

аренду бизнес–структурам, специализирующимся на выполнении функций транспортно–логистических, медицинско–диагностических и иных центров. «Промышленный статус» данных предприятий является скорее прикрытием для иной предпринимательской деятельности, гарантирующей собственникам прибыль.

Третья причина – отсутствие системных и гибких мер государственной поддержки (федеральной, региональной, местной) промышленных предприятий как результат невнятной государственной промышленной (отраслевой) политики разных уровней, неэффективного кураторства промышленного комплекса органами власти и управления субъектов РФ. Кроме того, есть основание считать причиной появления «ржавого пояса» и слабый протекционизм, имитацию импортозамещения со стороны правительственных структур (министерств и ведомств).

Не менее значимыми причинами институционализации «ржавого пояса» являются и социальные, политико–правовые аспекты, которые в силу инерции работают в ракурсе деструкции.

Во–первых, это массовые увольнения, вывод инженеров и наемных рабочих за пределы промпроизводств в иные структуры, аффилированные с собственниками предприятий, переквалификация промышленных рабочих в иные, не связанные с производством промышленной продукцией виды деятельности.

Во–вторых, это доведение менеджментом и собственниками промышленных предприятий до банкротства промпроизводств с целью вывода их активов в другие регионы или за рубеж, а вывод самих предприятий – в офшоры (офшорная юрисдикция). И в том, и в другом случаях это приводило и приводит к минимизации выпуска промышленной продукции, оптимизации налогообложения, развитию «теневой экономики» и серых схем ведения бизнеса. При этом в 2001 – 2010 годах институты развития и инструменты поддержки в регионах практически не функционировали.

В–третьих, наличие в среде деловой и политической элиты ряда регионов негласного антииндустриального консенсуса. Его суть – региональная власть не вмешивается или участвует негласно в рейдерском захвате промпредприятий для целей, не связанных с промышленным развитием. При этом эгоистический бизнес проводит спецоперации по приобретению промпредприятий (к примеру, покупке акций) одним юрлицом с продажей активов, зданий, земли другим юрлицам (добросовестным приобретателям). Таким образом, консенсус работает на уровне ценностей алчности и эгоизма

(ценностный консенсус), законных процедур приобретения (процедурный консенсус), региональной политики бездействия (консенсус на уровне политики).

Данный подход авторов базируется на теории консенсуса Дж. Сартори, в соответствии с которой существуют

1) консенсус на уровне сообщества;

2) консенсус на уровне режима, или процедурный;

3) консенсус на уровне политики[1]. К этому следует добавить учет обстоятельства, при котором активность экологических движений, негативно повлиявших на деиндустриализацию в территориях, была сведена к минимуму (можно лишь привести пример антиникелевых протестов экологов против строительства УГМК комбината в Новохоперском районе Воронежской области). Таким образом, налицо была возможна в территориях и антииндустриальная революция с «атакой на технологию»[2] (дефиниция Айн Рэнд в работе «Возвращение примитива. Антииндустриальная революция»). В этой связи для ряда территорий Центральной России региональная государственная промышленная политика и в наиболее благоприятный период с 2001 по 2008 г., и в посткризисный период с 2009 по 2017 г. фактически сводилась к промышленной деиндустриализации, последствия которой сказались на динамике социально–экономического развития.

Библиография/References:

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельникова; послесловие В.Г. Федотовой. – М.: Прогресс-Традиция; ИД «Территория будущего», 2007. – 464 с.

2. Блинов А. О. Новый взгляд на промышленную политику в России // Экономика. Бизнес. Банки. – 2015. – № 2 (11). – С. 38–49.

3. Бухвальд Е.М. Трудные пути становления промышленной политики в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 1-2. – С. 10– 33.

---

[1] Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов. Сборник статей / Пер. с англ., нем., исп., венг., итал. / Сост. Киселева Е.А. – М.: Политологический центр РАУ, 1992. –С. 123.

[2] Рэнд А. Возвращение примитива. Антииндустриальная революция./ Пер. с англ. – 4–е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 347 с. – С. 326.

4. Гасанов М.Н. Социально-экономические особенности различных типов регионов: инновационный аспект // Инновационный Вестник Регион. – 2010. – № 4. – С. 9– 15.

5. Глейзер Э. Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / Пер. с англ. И. Кушнаревой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 432 с.

6. Ежова В.А. Теория отраслевых рынков. – СПб.: СПбГТУРП, 2015. – 40 с.

7. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 479 с.

8. Костин Ф.А., Соколов А.В. Промышленная политика как форма государственного регулирования // Экономические науки. – 2011. – № 3 (76). – С. 136 – 139.

9. Мантуров Д.В. Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет. Часть 1: Промышленность 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3. – С. 31– 48.

10. Нечаев Д.Н. Региональный экономический рост и пространственное развитие территорий как условия обеспечения экономической безопасности субъектов РФ (на примере областей ЦФО): монография / Под общ. ред. А.М. Сысоева. – Воронеж: Научная книга, 2016. – 104 с.

11. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 230 с.

12. Рэнд А. Возвращение примитива. Антииндустриальная революция / Пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 347 с.

13. Сартори Дж. Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов. Сборник статей / Пер. с англ., нем., исп., венг., итал. / Сост. Киселева Е.А. – М.: Политологический центр РАУ, 1992. – С. 122 – 127.

14. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Пер. с англ. Ф.А. Исрафилова. – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.

15. Титков А.С. Образы регионов в российском массовом сознании // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 3. – С. 61– 75.

16. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. – 2-е изд. – М.: Изд дом ГУ ВШЭ, 2007. – 399 с.

17. Чанг Ха-Дж. Как устроена экономика / Пер. с англ. Е. Ивченко; науч. ред. Э. Кондукова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 304 с.

18. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 271с.
19. Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики: Концепции и практика. – М.: КРАСАНД, 2010. – 320 с.
20. Якунин В.И. Актуальная теория и методология формирования российской экономической политики // Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. №11. – М.: Научный эксперт, 2008. – 32 с.

1. Bek, U. (2007) Vlast' i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaia vsemirno-politicheskaia ekonomiia [Power and its opponents in the era of globalism. New world-political economy] / Per. s nem. A.B. Grigor'eva, V.D. Sedel'nikova; posleslovie V.G. Fedotovoi. – M.: Progress-Traditsiia; Izdatel'skii dom «Territoriia budushchego». – 464 p. (In Russ.)
2. Blinov, A. O. (2015) Novyi vzgliad na promyshlennuiu politiku v Rossii [A new perspective on industrial policy in Russia] // Ekonomika. Biznes. Banki [Economics. Business. Banks]. – № 2 (11). – P. 38–49. (In Russ.)
3. Bukhval'd, E.M. (2015) Trudnye puti stanovleniia promyshlennoi politiki v Rossii [Difficult ways of establishing industrial policy in Russia] // Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow]. – № 1-2. – P. 10– 33. (In Russ.)
4. Gasanov, M.N. (2010) Sotsial'no-ekonomicheskie osobennosti razlichnykh tipov regionov: innovatsionnyi aspekt [Socio-economic features of different types of regions: an innovative aspect] // Innovatsionnyi Vestnik Region. – № 4. – P. 9– 15. (In Russ.)
5. Gleizer, E. (2014) Triumf goroda. Kak nashe velichaishee izobretenie delaet nas bogache, umnee, ekologichnee, zdorovee i schastlivee [Triumph of the city. How our greatest invention makes us richer, smarter, greener, healthier and happier] / Per. s angl. I. Kushnarevoi. – M.: Izd-vo Instituta Gaidara. – 432 p. (In Russ.)
6. Ezhova, V.A. (2015) Teoriia otraslevykh rynkov [The theory of industrial markets]. – SPb.: SPbGTURP. – 40 p. (In Russ.)
7. Kolosov, V.A., Mironenko, N.S. (2002) Geopolitika i politicheskaia geografiia [Geopolitics and political geography]. – M.: Aspekt Press. – 479 p. (In Russ.)
8. Kostin, F.A., Sokolov, A.V. (2011) Promyshlennaia politika kak forma gosudarstvennogo regulirovaniia [Industrial policy as a form of state regulation] // Ekonomicheskie nauki [Economic sciences]. – № 3 (76). – P. 136– 139. (In Russ.)
9. Manturov, D.V. (2016) Gosudarstvennoe regulirovanie promyshlennosti v techenie 25 let. Chast' 1: Promyshlennost' 1990-kh gg. [State regulation of industry

for 25 years. Part 1: Industry of the 1990s.] // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia [Public Administration Issues]. – № 3. – P. 31– 48. (In Russ.)

10. Nechaev, D.N. (2016) Regional'nyi ekonomicheskii rost i prostranstvennoe razvitie territorii kak usloviia obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti sub"ektov RF (na primere oblastei TsFO) [Regional economic growth and spatial development of territories as a condition for ensuring economic security of RF subjects (by the example of the Central Federal District)]: monografiia / Pod obshch. red. A.M. Sysoeva. – Voronezh: Nauchnaia kniga. – 104 p. (In Russ.)

11. Panov, P.V. (2011) Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaia model' politicheskogo poriadka [Institutions, identities, practices: a theoretical model of the political order]. – M.: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN). – 230 p. (In Russ.)

12. Rend, A. (2017) Vozvrashchenie primitiva. Antiindustrial'naia revoliutsiia [Return primitive. Anti-industrial revolution] / Per. s angl. – 4-e izd. – M.: Al'pina Pablisher. – 347 p. (In Russ.)

13. Sartori, Dzh. (1992) Upravliaemaia demokratiia i upravliaiushchaia demokratiia [Managed democracy and managing democracy] // Mir politiki: Suzhdeniia i otsenki zapadnykh politologov [World of politics: Judgments and appraisals of western political scientists]. Sbornik statei / Per. s angl., nem., isp., veng., ital. / Sost. Kiseleva E.A. – M.: Politologicheskii tsentr RAU. – P. 122 – 127. (In Russ.)

14. Stiglits, Dzh. (2016) Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshchestve, ili Chto delat' ostavshimsia 99% naseleniia? [The Great Division. Inequality in society, or What do the remaining 99% of the population?] / Per. s angl. F.A. Israfilova. – M.: Eksmo. – 480 p. (In Russ.)

15. Titkov, A.S. (1993) Obrazy regionov v rossiiskom massovom soznanii [Images of regions in the Russian mass consciousness] // Polis. Politicheskie issledovaniia [POLIS. Political Studies]. – № 3. – P. 61-75. (In Russ.)

16. Turovskii, R.F. (2007) Tsentr i regiony: problemy politicheskikh otnoshenii [Center and regions: problems of political relations]. – 2-e izd. – M.: Izd dom GU VShE. – 399 p. (In Russ.)

17. Chang, Kha-Dzh. (2015) Kak ustroena ekonomika [How the economy is organized] / Per. s angl. E. Ivchenko; nauch. red. E. Kondukova. – M.: Mann, Ivanov i Ferber. – 304 p. (In Russ.)

18. Chirikova, A.E. (2010) Regional'nye elity Rossii [Regional elites of Russia]. – M.: Aspekt Press. – 271 p. (In Russ.)

19. Shvetsov, A.N. (2010) Sovershenstvovanie regional'noi politiki: Kontseptsii i praktika [Perfection of regional policy: Concepts and practice]. – M.: KRASAND. – 320 p. (In Russ.)

20. Iakunin, V.I. (2008) Aktual'naia teoriia i metodologiia formirovaniia rossiiskoi ekonomicheskoi politiki [Actual theory and methodology of the formation of the Russian economic policy] // Trudy Tsentra problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlencheskogo proektirovaniia [Proceedings of the center for problem analysis and state-management design]. Vypusk №11. – M.: Nauchnyi ekspert. – 32 p. (In Russ).